

Н. Я. Половой

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ ПОХОДЕ ИГОРЯ ПРОТИВ ВИЗАНТИИ

(Сравнительный анализ русских и византийских источников)

Среди источников о первом походе Игоря на греков в 941 г. наибольший интерес представляют собой русские и византийские памятники, рассказывающие об этом событии. Византийские источники о походе 941 г. (Хроника Амартола и Житие Василия Нового) были широко распространены в Древней Руси и сыграли большую роль в формировании русских памятников об этом походе. Русские источники о походе 941 г. частью дословно, частью в пересказе повторяют византийские, что дало повод еще Шлецеру говорить об их полной зависимости от византийских: «Все это так походит на рассказываемое византийцами о Игоревых руссах, что кажется, будто писец нарочно одно место переписывал несколько раз слово в слово»¹.

Однако после исследований А. Н. Веселовского², С. Г. Вилинского³, В. М. Истрина⁴, А. А. Шахматова⁵, Д. С. Лихачева⁶ и других стало очевидным, что русские источники в обрисовке событий 941 г. восходят, с одной стороны, к древнерусским переводам хроники Амартола и Жития Василия Нового, а с другой — к какому-то русскому источнику об этом походе, который исследователи называли народным преданием.

Естественно поставить вопрос о взаимоотношении этих русских народных преданий и византийских источников в формировании русских памятников о первом походе Игоря. Были ли подчинены русские предания греческим источникам, следовали ли им в обрисовке картины похода 941 г., дополняли ли они всего-навсего греческие повествования, или же русские источники были самостоятельны и, напротив, сами влияли на византийские источники, использованные в летописях?

Решение этой проблемы тесно связано с проблемой воссоздания характерных признаков первоначального русского источника, который, по

¹ А. Шлецер. Нестор, ч. II. СПб., 1816, стр. 601.

² А. Н. Веселовский. Видение Василия Нового о походе русских на Византию. — ЖМНП, январь, 1889; его же. Разыскания в области русского духовного стиха. XI—XVII (вып. 5). — ИОРЯС, т. 46, 1890.

³ С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе, ч. I—II. Одесса, 1911—1913.

⁴ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I—III. Л., 1920—1930.

⁵ А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV, 1940, стр. 57—75.

⁶ Повесть временных лет, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. II. М.—Л., 1950.

мнению исследователей, существовал в форме народного предания. Однако, указания, как русских, так и греческих источников, что Игорь и его воины охотно рассказывали всем об этом неудачном походе⁷, конечно, не позволяют еще с уверенностью считать, что известия о походе сохранились только в виде народных, устных преданий. Поэтому более правильным, вероятно, было бы просто считать, что на Руси греческие известия о походе 941 г. были соединены с каким-то русским источником об этом же походе. Было ли это устное народное предание или некая официальная запись о походе 941 г., нам не известно.

В результате соединения известий, почерпнутых летописцами из Хроники Амартола и Жития Василия Нового, с русским источником, в русских письменных памятниках, дошедших до нас, получились не более полные и подробные рассказы о походе 941 г., дополняющие и Хронику и Житие, а очень странные повествования об этом походе, которые мы и рассмотрим.

Оказывается, составители первых русских хронографов, пользовавшиеся Хроникой Амартола и Житием Василия Нового, не просто переписали из них сведения о первом походе Игоря, но сочли нужным дополнить эти сведения из какого-то русского источника (что частично имело место уже при переводе Жития Василия Нового на древнерусский язык) и произвести такие перестановки в тексте Хроники и Жития, которые изменили их до неузнаваемости.

В настоящее время наука располагает не только полным текстом Жития Василия Нового и Хроники Амартола как в греческих подлинниках, так и в древнерусских переводах, но и прекрасными исследованиями о них С. Г. Вилинского и В. М. Истрина. Поэтому теперь можно, если не полностью, то хотя бы в общих чертах, воссоздать тот первоначальный русский источник о походе 941 г., который послужил материалом для соединения с греческими повествованиями об этом походе.

Хроника Амартола входит во все русские сказания о первом походе Игоря, Житие Василия Нового — только в некоторые из них. Все этапы движения амартоловского повествования о походе 941 г. в русских источниках были прослежены В. М. Истриным, выводы которого сводятся к следующему.

Перевод Хроники Амартола на древнерусский язык дает нам так называемый первооригинал Хроники Амартола, который представлен Троицким списком⁸. Вслед за первооригиналом на Руси появилась так называемая первая редакция Хроники Амартола. Все наши хронографы, летописи и палеи восходят не к первооригиналу Хроники Амартола,

⁷ Лев Дьякон пишет, что Игорь «едва ли с десятью ладьями успел убежать в Боспор Киммерийский с известием о собственном бедствии» (*Leonis Diaconi Historiae libri decem. Bonnæ, 1828, p. 106*). В другом месте своей «Истории» Лев Дьякон сообщает, что воины Святослава очень боялись жидкого огня, так как от своих старейшин слышали, что этим мидийским огнем греки превратили в пепел флот Игоря. В Житии Василия Нового говорится, что после этого похода лишь немногие русские воины вернулись на родину, «чтобы рассказать, что с ними было и что они потеряли по мановению божию» (*А. Н. Веселовский. Ук. соч., стр. 89*). И наконец, в дополнении к древнерусскому переводу Жития Василия Нового мы слышим живой голос этих спасшихся чудом воинов Игоря: «Тем же пришедшим в землю свою, поведаоуть каждо своим о бывшем и о оляднем огни яко мольбиа рече, иже на небесах, Грецы имоуть оу себе, сию попоушающе жжахоуть нас, и сега ради не одолехом имъ» (*А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 71*). Эти же слова повторил и автор Повести временных лет.

⁸ В. М. Истрин. Толковая Палея и Хроника Георгия Амартола. — ИОРЯС, т. XXIX, 1925, стр. 369.

а к ее первой редакции. Эта редакция дала материал для «Хронографа по великому изложению», который до нас не дошел, но который восстанавливается с помощью «Еллинского летописца» второй редакции. «Хронограф по великому изложению» дал материал для Повести временных лет первой редакции (середина XI в.); что касается Повести временных лет второй редакции (начало XII в.), то Хроникой Георгия Амартола летописец пользовался непосредственно в первой ее редакции, до нас не дошедшей⁹.

Таким образом, сказание о первом походе Игоря в изложении «Еллинского летописца» является более древним, в Повести же оно предстает уже в измененном виде, «будучи исправлено по полной Хронике Георгия Амартола и испытав сокращения и перестановки»¹⁰.

По мысли В. М. Истрина, на Руси было две редакции «Хронографа по великому изложению», отличающиеся друг от друга присутствием или отсутствием выдержек из Жития Василия Нового¹¹. Редакция, в которой не было выдержек из Жития Василия Нового, дала материал для Хронографической палеи и Первой Новгородской летописи. Редакция же, в которой текст Хроники Амартола был дополнен сведениями из Жития Василия Нового, дала материал для «Еллинского летописца» второй редакции. Автор же Повести временных лет пользовался не непосредственно Житием Василия Нового, а некоторыми выдержками из него, имеющимися в Повести временных лет первой редакции.

А. А. Шахматов тоже признавал, что впервые рассказ о походе 941 г. появился в «Хронографе», только он считал его болгарским по происхождению. По терминологии В. М. Истрина, это был бы «Хронограф по великому изложению» первой редакции, еще не осложненный Житием Василия Нового. Согласно А. А. Шахматову, сообщение Первой Новгородской летописи (а отсюда и основанного на ней, по его воззрению, «Начального свода») о походе Игоря взято из этого хронографа: «Из Хронографа составитель Начального свода узнал о поражении Руси»¹². Хроникой типа Еллинского и Римского летописцев пользовался автор Киевского начального свода 1095 г. «Систематические отличия исследуемой летописи (1095 г. — *Н. П.*) от Повести вр. лет обнаруживаются: во-первых, в систематическом опущении всех заимствований из Амартола и его продолжателя; это тем характернее, что две статьи, заимствованные из греческих хроник — статья о походе Руси на Царьград при царе Михаиле и рассказ о поражении Руси, предпринявшей морской поход при Романе, — оказываются, как увидим, взятыми не из Амартола, а из хроники типа Еллинского и Римского летописцев, причем отсюда же сделаны выписки под 6573 (1065) годом»¹³.

Что касается автора Повести временных лет, то, по А. А. Шахматову, он свой рассказ о походе 941 г. составлял как по хронике Амартола

⁹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. II, стр. 428; е г о ж е. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, стр. 196, 197, 198; е г о ж е. Очерки истории древнерусской литературы. Л., 1929, стр. 84—91.

¹⁰ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. I—IV. — ИОРЯС, т. XXVI, 1923, стр. 70.

¹¹ Там же, стр. 75.

¹² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 99.

¹³ А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 года. — В кн.: А. А. Шахматов (1862—1920). Сборник статей и материалов. М.—Л., 1947, стр. 152.

в пересказе ее «Начальным сводом», так и непосредственно по полному тексту Жития Василия Нового¹⁴.

Следовательно, если В. М. Истрин считает, что текст Жития Василия Нового попал в Повесть временных лет из «Хронографа по великому изложению», воссоздаваемого по «Еллинскому летописцу» второй редакции, то А. А. Шахматов утверждает, что этот текст попал в Повесть непосредственно из Жития Василия Нового. Таким образом, при всей противоречивости своих построений А. А. Шахматов и В. М. Истрин согласны в том, что текст Хронографической палеи и Первой Новгородской летописи о первом походе Игоря является самым древним из всех повествований об этом походе; за ним по времени следует текст, сохранившийся в «Еллинском летописце», и, наконец, наиболее поздним является рассказ Повести временных лет. С этим, бесспорно, согласится любой исследователь.

Такое сравнительное распределение во времени всех сохранившихся текстов о походе 941 г. позволяет выяснить, как вначале на Руси были использованы тексты Хроники Амартола и Жития Василия Нового для составления первого русского рассказа о походе 941 г. и какие этапы прошел этот рассказ в русских источниках, прежде чем он окончательно был отредактирован автором Повести временных лет.

В. М. Истрин установил, что «по отношению к этому сказанию (о походе 941 г. — *Н. П.*) памятники (русские. — *Н. П.*) разделяются на две группы: 1) Новгородская первая летопись и хронографические палеи и 2) Лаврентьевско-Ипатьевские списки летописи и «Еллинский летописец». Различие между ними состоит в том, что первая группа представляет первую стадию сказания, древнейшую, а вторая группа дает вторую стадию, осложненную уже новым источником, именно, «Житием Василия Нового»¹⁵. Какова же картина похода 941 г. в перечисленных русских источниках?

Война 941 г., согласно византийским источникам, состояла из двух этапов. Первый разыгрался вблизи Константинополя у Иерона и закончился 11 июня первым морским сражением, в котором русские, по-видимому, впервые за всю свою историю столкнулись с греческим огнем; второй проходил в Малой Азии и закончился в сентябре вторым морским поражением русских.

В Хронике Амартола имеется описание двух этих актов, в Житии Василия Нового весь рассказ о военных действиях у Иерона сводится к замечанию, что царский флот не пустил русских в Константинополь и они отошли в мелководье Малой Азии. Далее со всей подробностью описывается война в Малой Азии.

Рассказ Новгородской первой летописи и Хронографической палеи основан исключительно на амартоловском описании первого этапа русско-византийской войны 941 г., закончившегося первым морским сражением; как в палее, так и в летописи опущена вся вторая половина амартоловского рассказа о походе 941 г. — война в Малой Азии вместе со вторым морским сражением.

Создается впечатление, что автор древнейшего хронографа (по Истрину — русского, по Шахматову — болгарского происхождения), к которому восходят и Хронографическая Палея и Первая Новгородская летопись, был твердо убежден, что первый поход Игоря закончился на

¹⁴ А. А. Шахматов. О начальном Киевском летописном своде. М., 1907; е г о ж е. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV, 1940, стр. 57—75.

¹⁵ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. XXVII, 1924, стр. 70.

первом морском сражении, а поэтому он из Хроники Амартола и взял только то, что соответствовало его представлению об этом.

Кто бы ни был автором этого текста о походе 941 г., сохранившегося в Новгородской летописи и в Хронографической палее, ясно только, что он пользовался Хроникой Амартола и почему-то взял оттуда лишь описание первой половины похода 941 г. и первого морского сражения. Тот удивительный факт, что этот автор счел нужным опустить всю вторую половину амартоловского повествования о походе 941 г., словно поход 941 г. в самом деле окончился на первом морском сражении у Иерона, не должен оставаться без объяснения.

В «Еллинском летописце» второй редакции, напротив, имеются обе части амартоловского повествования о походе 941 г., но они представлены не как две части одного и того же похода, а как два самостоятельных похода: из первой половины амартоловского рассказа сделан первый поход Игоря, из второй половины, описывающей войну в Малой Азии, сделан второй поход. К этим двум походам прибавился еще тот, который греки смогли остановить на Дунае. Так «Еллинский летописец» повествует о трех походах Игоря: один был неудачным, другой полудачным, третий победоносным¹⁶.

По-видимому, автор этого хронографа был твердо убежден, что первый поход Игоря закончился на первом морском сражении у Иерона; поэтому он предпочел говорить об особом походе Игоря к берегам Малой Азии, не допуская мысли, что после решительного морского сражения с греками у Иерона русские удалились не на родину, а к берегам Малой Азии.

Таким образом, и в «Еллинском летописце» первый поход Игоря оканчивается на первом морском сражении. Эта грубейшая ошибка автора хронографа, сохранившегося в «Еллинском летописце», еще не была объяснена исследователями.

Второй поход Игоря автором хронографа сделан из второго акта амартоловского повествования. Эта вторая война, по мысли автора хронографа, развернулась только в Вифинии, когда русские якобы также «Соудъ весь пожгоша».

Что же касается автора Повести временных лет, то он в своем изложении уничтожил этот второй поход Игоря, прибавив Суд и Вифинию к перечню тех областей, которые подвергались опустошению с самого начала первого похода Игоря: «Иде Игорь на Греки. И послаша болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скѣдйи 10 тысящ. Иже придоша, и приплуша и почаша воевати Вифиньския страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше, и Судъ весь пожгоша»¹⁷. Вслед за тем наступает

¹⁶ В. М. И с т р и н. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, т. XXI, 2, 1916, стр. 220.

¹⁷ Ошибка древнего летописца, заключающаяся в том, что он, обрабатывая греческие источники, представлял дело так, будто бы Игорь до первого морского сражения «повоевал» европейские и азиатские области на всем огромном протяжении от Константинополя до Ираклии, была уже давно констатирована проницательным Карамзиным, который, однако, не дал ее объяснения: «Игорь, по Несторову известию, опустошил Вифинию и Пафлагонию прежде Европейских берегов Воспора; но греческие историки все согласно повествуют, что флот его, уже разбитый Феофаном, пристал к берегам Вифинии» (Н. М. К а р а м з и н. Примечания к Истории государства Российского, т. I. СПб., 1852, прим. 343). Многие историки, в том числе М. В. Левченко, восприняли эту ошибку летописца и стали утверждать, что русские, прежде чем сразиться с греками у Иерона, «повоевали» Вифинию, Ираклию, Никомидию и Пафлагонию. (М. В. Л е в ч е н к о. История Византии, стр. 141. См. также G. O s t r o g o r s k y. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 245).

якобы решительное и единственное морское сражение, после чего русские возвращаются в Киев.

Мы видим, что в Повести временных лет два акта похода 941 г. сведены не к двум самостоятельным походам, как в хронографе, воссоздаваемом по «Еллинскому летописцу», а лишь к первой половине похода, т. е. из двух этапов похода весьма неуклюже сделан один.

Следовательно, и автор Повести временных лет перекраивает византийские повествования о первом походе Игоря, желая создать впечатление, что этот поход закончился на первом морском сражении, после которого русские незамедлительно вернулись в Киев.

Итак, все русские источники даже не допускают мысли, что после первого морского сражения могла быть еще какая-нибудь война в Малой Азии. Сообщение греческих источников о войне в Малой Азии русские летописцы либо отбросили, либо попытались объяснить по-своему. Одни из них (Хронографическая палея, Первая Новгородская летопись и предшествующий им какой-то хронограф) просто отбросили описание войны в Малой Азии; другие (автор хронографа, сохранившегося в «Еллинском летописце» второй редакции), сделали из него самостоятельный второй поход Игоря в Малую Азию; третьи (автор Повести временных лет) представили дело так, будто война в Малой Азии произошла в начале похода и до решительного и единственного морского сражения.

При сравнении двух групп русских источников о первом походе Игоря между собой оказывается, что, несмотря на различие использованных ими материалов, в них имеется много общего. Если Новгородская летопись и Хронографическая палея указывают на то, что русские с момента прибытия к Босфору и до решительного морского сражения грабили лишь предместья Константинополя, то Лаврентьевско-Ипатьевские списки летописи и «Еллинский летописец» повествуют о том, что с момента прибытия к Босфору и до решительного морского сражения русские громили не только предместья Константинополя, но и все побережье Малой Азии.

Различие между Новгородской первой летописью и Хронографической палеей, с одной стороны, и Лаврентьевско-Ипатьевскими списками летописи и «Еллинским летописцем», с другой, имеется лишь в изображении первоначальных событий похода 941 г. Последующие события этого похода во всех русских источниках обрисованы с поражающим однообразием: во всех них после первоначальных грабежей и погромов русские вступают в решительное морское сражение с греками и после поражения возвращаются на родину. Следовательно, все русские источники заканчивают войну 941 г. на первом морском сражении у Иерона.

Своеобразная, встречающаяся не в одном каком-нибудь летописном памятнике, а упрямо повторяющаяся во всех русских источниках картина похода 941 г., не может быть признана просто ошибкой при списывании греческих источников.

Поскольку все русские источники, несмотря на бесспорное использование Хроники Георгия Амартола и Жития Василия Нового в древнерусских переводах, дают общую схему похода 941 г., не только не тождественную общей схеме византийских источников, а прямо противоположную, постольку мы вправе заключить, что в летописных рассказах о походе 941 г., в которых какой-то русский источник сочетался с византийскими, несомненной русской частью является именно оригинальная схема повествования о походе 941 г.

Эта общая схема повествования, остающаяся неизменной и прочной

во всех компилятивных древнерусских памятниках о походе 941 г., является той основой, по которой распределялся материал, заимствованный из греческих источников. Эта схема хотя и обросла фразами из греческого повествования, но в обрисовке первого похода Игоря мы не находим никакого доверия греческому повествованию, никакого стремления следовать ему. Шли годы, менялись летописцы, описывавшие походы русских князей, изменялся круг материалов и их группировка, но все русские авторы от древнейших хронистов до Повести временных лет больше доверяли привычной русской схеме похода 941 г., используя византийские источники лишь как дополнительный материал к какому-то русскому источнику. Обильное цитирование византийских источников в русских памятниках не может, на наш взгляд, служить аргументом против этого вывода¹⁸.

Между этой схемой и сведениями, почерпнутыми из греческих источников, имеются противоречия — вот почему русские летописцы, стремясь втиснуть в установившуюся схему построенное по другой схеме греческое повествование о первом походе Игоря, наделали немало ошибок¹⁹, которые помогают нам уяснить, каково было их собственное представление о первом походе Игоря.

Как же все-таки согласовать сообщение русских источников о возвращении русских на родину после первого морского сражения со сведениями греческих источников о продолжении войны в Малой Азии после этого сражения?

Игорь, несомненно, возвратился на родину сразу же после сражения у Иерона. Против этого единодушного утверждения всех русских источников ничего нельзя возразить. Но точно также невозможно опровергнуть и утверждение греческих источников об отходе русского флота к берегам Малой Азии после этого сражения. Очевидно, в сражении у Иерона произошло разделение русского войска²⁰: одна часть во главе с Игорем направилась с европейского берега Босфора на родину, другая двинулась к малоазийскому берегу и воевала там еще три месяца. Это могло быть случайное разделение войска Игоря, вполне понятное в той суматохе, когда охваченные ужасом русские воины искали спасения от неведомого им греческого огня.

Но вполне возможно, что разделения флота и не было: ведь у Игоря в 941 г., кроме флота, было еще пешее войско²¹. В то время, как флот сражался с греками у Иерона, а затем отправился в мелководье Малой Азии, пешее войско могло находиться на суше и громить предместья Константинополя. Это пешее войско, среди которого, очевидно,

¹⁸ Ср. Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952 стр. 167.

¹⁹ Н. Я. Половой. Две ошибки древнейшего русского хрониста. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 139—142.

²⁰ Аналогичная картина, вероятно, была и в 1043 г., когда в сражении у Царьграда тоже произошло разделение русского флота: одна часть его высадилась на европейский берег Черного моря и пешком направилась в Киев, а другая вместе со своими ладьями укрылась в безопасной гавани.

²¹ Греки упоминают только о морской экспедиции русских, тогда как русские источники намекают и на сухопутную (см. Ю. Венелин. Критические исследования об истории болгар. М., 1849, стр. 274). Масуди также подтверждает показания русской летописи, утверждая, что русы «вступили сухим путем во все области Рума» (см. А. Я. Гаркави. Незданное свидетельство Масуди о походе русских на Царьград. — ЖМНП, апрель 1872, стр. 223). Таким образом, имеется достаточно данных, чтобы утверждать, что «Поход 941 г., как и другие походы русских того времени, был комбинированным — сухопутным и морским». (М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 141).

и находился Игорь, после разгрома русского флота у Иерона, возвратилось в Киев, полагая, что весь флот уничтожен. В этом освещении станут понятны слова Льва Диакона, что Игорь едва ли с 10 кораблями спасся на Родину²², так как после сражения у Иерона, когда часть флота была сожжена, а остальные суда укрылись у побережья Малой Азии, у Игоря с его пешим войском, конечно, было мало «ладей».

Если разделение русского войска в сражении у Иерона было случайным и сам Игорь и все бывшие с ним действительно твердо были убеждены, что из всего воинства спаслись лишь они, то нет ничего странного или неожиданного в том, что все русские памятники о походе 941 г. заканчивают этот поход на первом морском сражении. В этом случае у нас не было бы ни малейших оснований предполагать, что русская версия рассказа о первом походе Игоря появилась в русских памятниках под влиянием официальных записей, в которых умышленно, в угоду великокняжескому столу, ход событий представлен в искаженном виде, т. е. мы могли бы допустить, что в основе русского повествования о походе Игоря лежат народные предания.

Если же разделение русского войска в сражении у Иерона не было случайным и Игорь по каким-то причинам сознательно оставил свое войско на произвол судьбы, бежав в Киев, то мы вправе поставить вопрос о влиянии официальной княжеской версии похода на составление летописных записей или, по крайней мере, на составление первой официальной летописной записи. В самом деле, если руководство похода, состоявшее из князя Игоря и его окружения, которое, по словам Льва Диакона, уместилось на десяти ладьях, *знало* о разделении русского войска в сражении у Иерона и тем не менее после первого поражения, отнюдь не губительного для армии, оставило большую ее часть и вернулось на родину, то для прикрытия этого компрометирующего поведения руководства необходимо было представить дело таким образом, чтобы Игорь и его окружение оказались единственными участниками похода, спасшимися после ужасного действия неведомого греческого огня.

Вопрос о том, имеем ли мы дело в русских памятниках со стихийно распространившейся в народе русской схемой похода 941 г. или с великокняжеской ее версией, решить пока трудно. Как бы то ни было, русские источники убеждают нас в том, что в сражении у Иерона Игорь вместе с незначительной частью своего войска был разлучен (вольно или невольно) с основной массой своего войска и возвратился в Киев.

Итак, весь процесс создания на Руси своеобразных повествований о первом походе Игоря можно представить следующим образом:

Вначале на Руси был только какой-то русский источник о походе 941 г., который существовал или в форме устного предания, или же в форме официальной записи. Отличительным его признаком являлось утверждение, что после единственного и решительного морского сражения Игорь вернулся в Киев.

Русские летописцы, бесспорно, хорошо знали этот источник, потому что уже переводчик Жития Василия Нового, а вслед за ним и автор Повести временных лет дополнили текст Жития сведениями о том, что болгары послали грекам весть о походе Игоря, а также сообщили, что говорили воины Игоря, вернувшись на родину.

Согласно русским источникам, ни о каком продолжении войны не могло быть и речи после того, как греки в сражении у Иерона применили жидкий огонь, и Игорю ничего не оставалось, как вернуться в Киев.

²² Leo Diaconus, p. 101.

Но действительно ли разгром русского флота в первом морском сражении был столь ужасен?

Конечно, нет. Хроника Амартола указывает, что русский флот, укrywшийся в мелководье Малой Азии, был еще настолько силен, что успешно воевал там свыше трех месяцев, а Житие Василия Нового ограничивается лишь простым упоминанием, что русских не пустили в Константинополь. Поэтому, если уж говорить о том, кто «чрезмерно сгущает краски» при описании этого первого столкновения, то нужно говорить прежде всего не о греческих авторах²³, а о русских летописцах, вообще всю войну оканчивающих на этом первом морском сражении.

Каким же должно быть было изумление русских летописцев, когда они, переводя Хронику Амартола, прочитали там, что война 941 г. на первом морском сражении не окончилась, а перекинулась на побережье Малой Азии. Древнейший хронист — автор сказания, дошедшего до нас в составе Хронографической палеи и Первой Новгородской летописи, просто-напросто отбросил всю эту вторую половину амартоловского повествования о войне русских с греками в Малой Азии, как не соответствующую установившимся представлениям о ней.

Автор сказания, сохранившегося в «Еллинском летописце», живший несколько позже, когда официальная концепция уже могла потерять свою актуальность или когда народные предания могли уже несколько потускнеть, предпочел изобрести самостоятельный поход Игоря в Вифинию. Но и он не поколебал традиционного русского представления о первом походе, согласно которому этот поход закончился сразу же после первого морского сражения. Этой же схеме следует и автор Повести временных лет, который представил всю войну в Малой Азии как предшествующую решительному и единственному морскому сражению.

Привлечение Жития Василия Нового к составлению рассказа о походе Игоря автором сказания, сохранившегося в «Еллинском летописце», и автором Повести временных лет ничего нового, кроме ошибок, не дало, так как рассказ Жития Василия Нового использовался ими как иллюстрация к первой половине повествования, а не к отсутствовавшей второй, как следовало бы.

Таким образом, анализ русских источников приводит к мысли о разделении²⁴ русского войска в первом морском сражении войны 941 г. и о возвращении одной части русского воинства на родину после него. Имеются ли в иностранных источниках указания на такое разделение русского войска?

Прямые указания на разделение русского войска после первого морского сражения имеются у Лиутпранда. Если в Житии Василия Нового описана только вторая половина войны 941 г., развернувшаяся в Малой Азии, то у Лиутпранда речь идет только о первой половине этой войны, закончившейся на первом морском сражении. К. Бартова²⁵, отметив, что у Лиутпранда описано только *одно* сражение, пишет, что неизвестно, какое здесь имеется в виду сражение, — первое или второе. Это, однако, можно установить. В самом деле, известно, что до первого морского

²³ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 147.

²⁴ Мысль о том, что русское войско после неудачного похода 941 г. разделилось и разными путями возвращалось на родину, правда, без всяких доказательств и совершенно по другому поводу, была высказана уже Ю. Д. Брудкусом. См. Ю. Д. Б р у д к у с. Письмо хазарского еврея от X века. Новые материалы по истории южной России времен Игоря. Берлин, 1924, стр. 22.

²⁵ К. В á r t o v a. Igorova výprava na Sařhrad r. 941. — BS, VIII, 1939—1946, str. 108.

сражения русские не знали силы греческого огня и даже, вероятно, не подозревали о его существовании. Ко второму морскому сражению русские уже знали, что стоит им поставить себя в непосредственную близость к греческим кораблям, как на них непременно польется жидкий огонь. Автор Жития Василия Нового, описывая именно это второе морское сражение, с удивлением сообщает, что русских в мелководье «объял страх и сильный трепет» перед греческими кораблями, так что они боялись сближения хотя бы на мгновение с греческим флотом. Когда же во втором морском сражении греческие корабли настигали русские ладьи, то русские даже не пытались оказать сопротивление, а бросались в воду, предпочитая утонуть, нежели сгореть. Совершенно иначе вели себя русские по рассказу Лиутпранда: они смело шли на abordаж, не боялись сближения с греческими кораблями и намеревались взять греков живыми, пока на них не полился жидкий огонь. Далее Лиутпранд сообщает, что после морского сражения русские ладьи плавали в мелком месте и так спаслись от тяжелых греческих хеландий с большой осадкой^{25а}. Но ведь именно после первого морского сражения русские отошли в мелководье Малой Азии. Следовательно, целый ряд фактов свидетельствует о том, что у Лиутпранда описано именно первое морское сражение.

Лиутпранд утверждает, что Игорь направился в Киев после первого (по Лиутпранду, вообще единственного) морского сражения, и заканчивает свой рассказ о сожжении русского флота описанием беспорядочного бегства русских после этого сражения; «одни из них, отягощенные панцырями и шлемами, тут же ушли на дно и их более не видели, другие поплыли, но горели и на воде, так что в тот день не ушел ни один человек, кроме спасшихся бегством к берегу (*qui fuga sese ad terram non liberavit*). Корабли русов, при малом размере, могли плавать в мелководье, чего не могли делать греческие хеландии, ходившие глубоко (*Russorum naves ob parvitatem sui ubi aquae minimum est transeunt quod Graecorum chelandia ob profunditatem sui facere nequeunt*)»²⁶.

Из этого описания явствует, что некоторые русские войны вплавь достигли европейского берега (*ad terram*), спаслось, очевидно, у европейского берега и несколько судов. Большинство же кораблей нашло убежище в мелководье Малой Азии (*ubi aquae minimum est*).

В греческих источниках также содержатся косвенные данные о разделении русской армии после сражения у Иерона.

Хроника Георгия Амартола^{26а} и Житие Василия Нового^{26б} сообщают, что после первого морского сражения русские сожгли Стенон. Название Стенон, как было установлено Дюканжем, греки употребляли в тройном значении: 1) для обозначения всего пролива, 2) для обозначения деревни Стенон и 3) для обозначения всего европейского берега Босфора²⁷. Дюканж же отмечал, что в описании войны 941 г. слово «Стенон» употреблено во втором значении. Название Стенон никогда не обозначало не только побережье Малой Азии, но даже воды, омывающие азиатский берег Босфора²⁸.

Итак, после первого морского сражения русские сожгли Стенон,

^{25а} Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia, ed. G. H. Pertz. Hannoverae, 1839, p. 139—140.

²⁶ Liudprandus. Op. cit., p. 139.

^{26а} А. Н. Веселовский. Видение Василия Нового. . . , стр. 88—89.

^{26б} В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I, стр. 567.

²⁷ Du Cange. Historia Byzantina. . . , Paris, 1680; Constantinopolis Christiana. . . , lib. IV, p. 167.

²⁸ J. Pargoire. Hiéria. — ИРАИР, т. IV, 1899, стр. 43; V. Grecu. La signification de Hieron Stomion. — BS, XV (2), 1954, p. 209—214.

находившийся посредине Босфора на европейском его берегу²⁹. Но как это могло произойти? Ведь из Хроники Георгия Амартола и из Жития Василия Нового мы знаем, что после того как греки разбили русских у Иерона, русским, спасшимся у берегов Малой Азии, был отрезан путь на родину, потому что тяжелые греческие хеландии не давали возможности выйти в море.

Житие Василия Нового сообщает: «Обойдя бесстыдных псов, свирепо лаявших на нас, они заперли их в середину, не позволяя им выходить из судов на пагубу христианам; но более всего их объял страх и сильный трепет, они хотели тайно скрыться, избегая рук наших воинов, но не могли, боясь нашего флота, сторожившего их и надзиравшего за ними». Об этом же говорит и Хроника Амартола. Русским так и не удалось в своем обратном движении от Малой Азии к берегам Фракии избежать сражения с Феофаном.

Таким образом, из мелководья Малой Азии русские не могли предпринимать экспедиции на европейский берег Босфора. Следовательно, отряд русских воинов, грабивший Стенон сразу после сражения у Иерона, состоял из тех воинов, которые после морского сражения отступили к европейским берегам Босфора. Русские пылали жадной мщеницей, вот почему они были беспощадны к грекам в Стеноне. Воины же, запертые в мелководье Малой Азии, могли предпринимать экспедиции лишь на малоазийское побережье: грабить Вифинию, Ираклию, Никомидию и Пафлагонию. Совершать высадки на европейский берег Босфора они не могли, об этом достаточно убедительно свидетельствуют и Хроника, и Житие. Лиутпранд сообщает, что Игорь вскоре после первого морского сражения вернулся на родину, однако нам известно, что русский флот продолжал войну еще в течение трех месяцев. Поэтому не подлежит никакому сомнению, что после сражения у Иерона в Киев во главе с Игорем возвратилась меньшая часть русского флота и пешее войско. Разграбив Стенон, воины Игоря вернулись в Киев и стали рассказывать о постигшей их неудаче. Они, возможно, не знали, что большая часть русского флота была заперта в мелководье Малой Азии, и поэтому рассказывали только об одном пережитом ими морском сражении.

Что же случилось с другой большей частью Игорева войска? Какой же путь на родину избрали теперь русские? Ни один источник точно не указывает, куда они направились после второго морского сражения.

Греческие источники не сообщают, удалось ли русским от берегов Малой Азии вернуться на родину. Хроника Георгия Амартола оканчивает свое повествование на том, что русские прижались к скалистым берегам Килии³⁰ и с наступлением ночи бежали. Лев Диакон утверждает, что

²⁹ J. P a r g o i r e. Anaple et Sosthène. — ИРАИК, т. III, 1898, стр. 64. См. также Ph. K r u g. Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie. Petersburg, 1840, S. 191.

³⁰ У Льва Грамматика τῆς Κοιλῆς (Leonis Grammatici Chronographia. Bonnae, 1842, p. 324—325), у продолжателя Феофана τῆς Κόλης, у Феодосия Мелитинского τῆς Κόλης (Theodosii Meliteni Chronographia, ed. T. L. F. Tafel. — Monumenta Saecularia der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. III. Kl. München, S. 231—233). Имеется в виду город Κοιλία Фракийской фемы (Constantinus Porphyrogenetus. De Thematis. Bonnae, 1840, p. 47), расположенный близ входа в Босфор. Берег у этой старинной крепости действительно «внезапно опускается голыми черными скалами базальта, которые падают в море с 30 до 56 метров» (Холмсен и Гудим-Левкович. Турция, ч. II. Прибосфорский район. СПб., 1912, стр. 42). Славянский переводчик Симеона Метафраста неправильно перевел τῆς Κοιλῆς как «Килийская обречь» («Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия и летовник. изд. В. Срезневский. СПб., 1905, стр. 141), а переводчик Георгия Амартола как «река Коули».

русские после похода 941 г. направились к Киммерийскому Боспору. Рассмотрим последний и, пожалуй, самый загадочный источник о походе 941 г., — Кембриджский документ еврейско-хазарской переписки, найденный среди ветхих рукописей каирской генизы. А. Грегуар пытался доказать подложность этого документа³¹, однако после исследований П. К. Коковцова³², Ю. Д. Брудкуса, В. Мошина и, наконец, Д. М. Данлопа подлинность Кембриджского документа не вызывает сомнений.

Особенно большой удар по взгляду Грегуара на Кембриджский документ, как на фальшивку, наносит исследование Д. М. Данлопа, основанное на стилистическом анализе языка еврейско-хазарской переписки³³.

Филологический разбор текста Кембриджского документа и анализ рассказа о религиозном диспуте сделаны П. К. Коковцовым и С. Шехтером^{33а}. Оба эти ученые, стремясь «дать в распоряжение всех исследователей, интересующихся историческими судьбами восточных стран средневековой Европы, проверенный текст и перевод всех документов, относящихся к еврейско-хазарской переписке в X в., и помочь таким путем сдвинуть наконец с мертвой точки все еще нерешенный вопрос о самой подлинности некоторых из этих документов»³⁴, отмечают, что они не компетентны в вопросах истории и оставляют эту часть работы для будущих исследователей. Тем не менее замечательные монографии П. К. Коковцова и труды Д. М. Данлопа дали историкам, даже не владеющим древнееврейским языком, прочную основу для дальнейшей работы.

В результате трудов Ю. Д. Брудкуса³⁵ и В. Мошина³⁶, посвященных специально объяснению текста Кембриджского документа, наука значительно приблизилась к его расшифровке, однако для объяснения этого документа сделано еще далеко не все. Последнему по времени исследователю этого документа В. Мошину окончательно объяснить Кембриджский документ помешало то обстоятельство, что он не увязывал его с первым походом Игоря, а отнес к 943 г. и пытался связать с деятельностью несуществовавшего тмутараканского князя.

В Кембриджском документе, наряду с другими сведениями, сообщается о русском князе Хальге, которого Роман Лакапин «подстрекнул» на хазар и который, в свою очередь, после поражения, нанесенного ему хазарами, был направлен хазарами против греков.

Объяснение Кембриджского документа очень задержалось из-за имени Хальги. В русских источниках нет упоминаний о таком князе, поэтому первые исследователи Кембриджского документа С. Шехтер и П. К. Коковцов предположили, что имя Хальга есть ни что иное, как чисто скандинавская форма имени Олега Вещего, — объяснение давно выдвигаемое норманистами³⁷. Но, если Кембриджский документ повествует о первом

³¹ H. Grégoire. Le «Glozel» Khazare. — Byz., vol. XII, 1937, p. 225—266.

³² П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

³³ D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. — «Princeton oriental studies», vol. 16, 1954, p. 156—170. См. рецензию J. Assfalg, в: BZ, Bd. 49 (1), 1956, S. 123—125.

^{33а} S. Schechter. An unknown Khazar document. — «Jewish Quarterly Review», N. S., vol. III, № 2, 1912, p. 181—182.

³⁴ П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке, стр. V.

³⁵ Ю. Д. Брудкус. Письмо хазарского еврея от X в.

³⁶ В. Мошин. Хельгу Хазарского документа, — «Slavia», XV, 2, 1938; V. Mošin. Les Khazares et les Byzantins. — Byz., vol. VI, 1931.

³⁷ Как отметил Ю. Д. Брудкус (ук. соч., стр. 30), отождествление Хальги с Олегом явилось для норманистов желанной находкой, так как они давно предлагали эту скандинавскую форму имени Олега. Таким образом, П. К. Коковцов, может быть, не желая этого, в данном вопросе стал на сторону норманистов. Антинорманист Д. И. Ило-

походе Игоря, а действующим лицом является Олег, следовательно, делал вывод П. К. Коковцов, здесь в фантастическом сочетании представлены эпоха Игоря и эпоха Олега³⁸. Развивая эту догадку С. Шехтера и П. К. Коковцова, со специальными исследованиями, посвященными доказательству, что Хальга — это Олег, выступили вслед за Д. И. Иловайским В. А. Пархоменко³⁹, Л. Я. Лавровский⁴⁰, М. Грушевский⁴¹.

Эти исследования, однако, вместо того, чтобы убедить историков в идентичности имен Олега и Хальги, привели к обратному. Стало ясно, что отождествление Олега и Хальги, с одной стороны, порождает непримиримые противоречия в летописной истории, а с другой, привело исследователей к убеждению, что данные хазарского документа не имеют никакой исторической ценности, так как, приняв это отождествление, приходится признать, что в источнике не только перепутана вся хронология, но и весь рассказ представляет собой смесь плохо связанных данных о событиях эпохи Олега и Игоря. Исследователям стало ясно, что утверждение о путанице двух эпох зиждется не на чем ином, как на отождествлении имени Олега и Хальги, и что «приходится удивляться точности хронологических и фактических совпадений в целом ряде независимых источников, чуть только мы откажемся от отождествления Хальги с Олегом»⁴². Поэтому последующие исследователи отказались от этого отождествления. Особенно показательно это, например, для В. А. Пархоменко⁴³, который впоследствии предположил, что Хальга жил в эпоху Игоря и был независимым князем Тмутаракани.

К эпохе Игоря относили деятельность Хальги и некоторые советские исследователи (например, А. Я. Лященко⁴⁴), усматривая в нем другого Олега, неизвестного нам воеводу Игоря, служившего у последнего после Олега Вещего. Однако окончательный удар отождествлению Олега с Хальгой нанесли Ю. Д. Брудкус и В. Мошин, причем В. Мошин показал всю методологическую несостоятельность приема, применяемого исследователями при отождествлении Хальги с Олегом. В настоящее время можно считать установленным, что Хальга не имеет ничего общего с Олегом Вещим⁴⁵. Но кто же в таком случае Хальга?

вайский сразу же после появления исследования П. К. Коковцова («Новый еврейский документ о харазах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в.» — ЖМНП, ноябрь 1913) отметил это. В своей работе «Вероятное происхождение св. княгини Ольги и новый источник о князе Олеге» (М., 1914) Д. И. Иловайский указал, что П. К. Коковцов при отождествлении Хальги с Олегом опирается «как на какой-то непререкаемый авторитет в данном вопросе» на сочинение норманиста Томсена. Но так как сам Д. И. Иловайский видел в Хальге именно Олега, то отсюда его несостоятельные попытки объяснения имени Хальга: отнять начальное h и таким образом получить форму Альгу или Альго, то есть Олега (см. Д. И. И л о в а й с к и й, Ук. соч., стр. 12).

³⁸ П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке, стр. XXXV.

³⁹ В. А. Пархоменко. К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега. — ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, 1914.

⁴⁰ Л. Я. Лавровский. Олег и Хальгу хазарского документа. — «Київські збірники Ист. і арх.», I. Київ, 1931.

⁴¹ М. Грушевский. Новый хазарский текст про войны Олега. — «Україна», кн. IV, 1914.

⁴² В. Мошин. Ук. соч., стр. 193.

⁴³ В. А. Пархоменко. Новые толкования записки готского топарха. — «Изв. Тавр. общ. ист.», т. II, 1928.

⁴⁴ А. Я. Лященко. Два Олега на страницах летописи X столетия. — «Науковий збірник Лен. тов. Укр. іст.», III. У Києві, 1931.

⁴⁵ Отжившую теорию об идентичности Хальги с Олегом поддерживали еще А. А. Васильев (А. А. Vasiliev. The second Russian attack on Constantinople in 860. — ДОР, № 6, 1951, p. 167) и совсем недавно Д. М. Давлоп (D. M. D u n l o p. Op. cit., p. 167).

Так как в Кембриджском документе речь идет о войне русских с греками в царствование Романа, во время которой русский флот был сожжен греческим огнем, то мы, бесспорно, имеем в нем дело с первым походом Игоря. Но, так как не только русские источники, но также Лиутпранд и Лев Диакон указывают, что поход 941 г. возглавил сам Игорь, то Ю. Д. Бруцкус предположил, что Хальга — это не кто иной как Игорь: «Народно-славянскому прозванию Игорь или Ингорь соответствовало по-скандинавски полное имя *Helgi Inger*, т. е. Гельги младший»⁴⁶. С точки зрения хронологии, это, конечно, более вероятный вывод, нежели отождествление Хальги с Олегом. Однако В. Мошин показал несостоятельность и этой гипотезы. Главный аргумент против отождествления Хальги с Игорем сводится к тому, что Хальга (по Кембрижскому документу) после войны с греками отправился в Персию, где и погиб, а Игорь вернулся в Киев, долго еще княжил, совершил второй поход против греков, заключил в 944 г. с Византией договор и погиб у себя на родине. В. Мошин убедительно показал, что Хальга это — не Олег и не Игорь. Так как известно, что поход 941 г. возглавлял сам Игорь, то В. Мошин, отбросив отождествление Хальги с Игорем, утверждал, что в Кембриджском документе мы вообще имеем дело не с первым походом Игоря. В. Мошин предположил, что Хальга — независимый князь Тмутаракани, которого греки после гонения на евреев в 943 г. двинули против хазар и которого, в свою очередь, хазары направили затем против греков. Этой гипотезе В. Мошина противоречит прежде всего самый текст Кембриджского документа, в котором мы, бесспорно, имеем указание на первый поход Игоря. Сообщение этого документа, что русский флот был сожжен огнем и что русские против Константинополя воевали четыре месяца, подтверждается греческими источниками. В царствование Романа Лакапина русские действительно только один раз — в 941 г. — воевали четыре месяца против Константинополя и только в этом году были разгромлены с помощью греческого огня. Изображенная же В. Мошиным четырехмесячная война «независимого князя Тмутаракани» Хальги с греками в 944 г., во время которой русский флот якобы тоже был сожжен огнем, не подтверждается ни одним источником. Наконец, как отметил сам В. Мошин, «главным возражением против моей гипотезы является, конечно, проблематичность самого существования в Тмутаракани в начале X в. независимого русского княжества»⁴⁷.

Иными словами, прежде чем доказывать, что тмутараканский князь в 944 г. воевал с греками, нужно доказать, что тогда вообще существовало Тмутараканское княжество.

Итак, не подлежит сомнению, что Кембриджский документ повествует именно о первом походе Игоря и Хальга был одним из его участников.

В этом документе война русских с греками в 941 г. увязана с хазарскими событиями. Очевидно, незадолго до своего первого похода на греков Игорь по договоренности с греками отправил в Крым против хазар войско под предводительством Хальги. Это не могло случиться в том же 941 г., ибо Хальга, несомненный участник первого похода Игоря на греков, 11 июня 941 г. уже воевал с греками у Иерона. Поход Хальги против греков, а следовательно, и против хазар был морским, поэтому он смог выйти в Черное море только после вскрытия Днепра, т. е. в конце мая — начале июня. Когда Хальга захватил Самкерц, Песах не сразу двинулся против него, а долго еще воевал с греками: сперва захватил какие-то три

⁴⁶ Ю. Д. Бруцкус. Ук. соч., стр. 31.

⁴⁷ В. Мошин. Ук. соч., стр. 200.

города, не считая множества пригородов, затем пошел на Херсон и воевал против него. И только после этих операций Песах «пошел на Хальгу и воевал. . . месяцев». Сколько же тянулась вся эта кампания? Она, по всей вероятности, не могла начаться и окончиться в одном и том же 941 г., поэтому вполне возможно предположение, что Хальга захватил Самкерц не позже 940 г. и зиму, предшествующую походу Игоря 941 г., провел в Крыму или поблизости от него.

Столь длительное присутствие Хальги в завоеванной стране свидетельствует не о грабительском, а о завоевательном характере его похода. В первоначальные планы Хальги, по-видимому, не входила война с греками, и когда ему пришлось повернуть оружие против них, он это сделал «против воли», т. е. по чьему-то принуждению.

Кембриджский документ утверждает, что именно Песах принудил Хальгу идти войной на Царьград. Однако это сомнительно. Действительно, почему Хальга так быстро согласился на требование Песаха воевать против Константинополя? Да и не только согласился, но и на самом деле пошел на греческую столицу и воевал против греков четыре месяца. Ведь отплывая от Самкерца, этот воевода, которому, по словам Кембриджского же документа, не чужды были «воровские способы» ведения войны, мог пренебречь обещанием воевать с греками, данным хазарам, и отправиться к себе на родину или туда, куда ему бы хотелось. Что заставляло Хальгу так свято соблюдать требование хазар? Не странно ли, с другой стороны, что Хальга, быстро побежденный Песахом, нашел еще столько сил, что уверенно направился с берегов Крыма не на какие-нибудь пограничные греческие города, а непосредственно на самый Константинополь, воевал с греками четыре месяца и потерпел поражение лишь благодаря неведомому жидкому огню? С хазарами Хальга действовал «воровским способом», следовательно, не находил в себе сил, чтобы действовать открыто, подобно Святославу. И, несмотря на это, он был побежден хазарами в первом же сражении. Откуда же явились силы у Хальги, чтобы идти воевать против Царьграда? Очевидно, Хальга должен был, во-первых, опираться на более солидную военную базу, нежели его собственный отряд, а, во-вторых, получить приказ идти на греков не от хазар, от выполнения требований которых он мог так или иначе уклониться, а от кого-то другого, кто имел реальную возможность приказывать Хальге. Составителю Кембриджского документа подлинные причины, побудившие Хальгу выполнять требования Песаха, не были ясны, и он просто писал: «И бог смирил его [Хальгу] перед Песахом».

Однако причины «смирения» Хальги станут яснее, если мы предположим, что воевать против Константинополя пошел не только Хальга, но и сам великий князь Руси Игорь, который, как это часто случалось в то время, дружбу с греками внезапно сменил на вражду, презревши тем самым свои прежние клятвы, как говорил Лев Диакон⁴⁸.

Если какие-то обстоятельства, о которых мы теперь можем только догадываться, побудили Игоря к войне против греков, то нет ничего неожиданного в том, что Игорь приказал Хальге помириться с хазарами, отдать им всю захваченную добычу и идти с остальным русским войском на Царьград. Начинать войну с Византией, не заключив мира с Хазарией, было бы для Руси ошибкой. При каждом ухудшении отношений с Русью греки всегда вспоминали о хазарах как о союзниках⁴⁹, но плохой полководец и прекрасный дипломат Игорь в 941 г. прежде всего поставил

⁴⁸ Leo Diaconus, p. 106.

⁴⁹ Б. Т. Горьянов. Византия и хазары. — ИЗ, т. 15, 1945, стр. 274.

Византию перед свершившимся фактом союза Руси с Хазарией против Византии, а уж потом объявил войну грекам. Песах громил греков в Крыму, русская же армия пошла на их столицу.

Возвращать хазарам добычу и уходить из уже завоеванных хазарских областей Хальге, видимо, не очень хотелось. Может быть, его личным желанием была не новая война с греками, а завершение старой войны с хазарами. Однако послушаться приказа Игоря он не мог и хотя «против воли», но все-таки пошел на соединение с основными силами Игоря.

Из русских источников мы знаем, что Игорь шел на Константинополь в 941 г. непосредственно из Киева, куда он и возвратился после поражения. Кембриджский же документ указывает, что поход 941 г. на греков начался из Крыма. Соединив показания Кембриджского документа и русской летописи, мы должны будем заключить, что одна часть русского войска под предводительством Игоря шла на Константинополь из Киева, а другая под предводительством Хальги — из Крыма.

Эта мысль находит подтверждение в других источниках. Так, Житие Василия Нового сообщает, что до того, как его предсказание о русском нашествии распространилось среди народа, весть об этом уже пришла в Константинополь: «не было еще тогда в городе вести об этих речах (Василия. — *Н. П.*), а через несколько дней распространилась весть во дворце и между жителями города о их набеге на нас, а через несколько дней херсонский стратиг прислал к царю донесение, заявлявшее об их нашествии и о том, что они уже приблизились к этим (т. е. херсонским. — *Н. П.*) областям (τοῖς ἐκεῖσε μέρεσιν ἐπλησίαν)»⁵⁰.

Итак, сперва о нашествии русских стало известно только Василию и его ученикам, которые не стремились поведать это известие народу. Затем весть об этом откуда-то распространилась среди жителей города и во дворце. И, наконец, позже всех весть о русском нашествии прислал херсонский стратиг. Следовательно, в тексте Жития, по-видимому, предполагается, что кто-то раньше херсонского стратига принес в столицу весть о русском нашествии. В русском переводе Жития в этом месте имеется дополнение, отсутствующее в греческом тексте, а именно: указано, что сперва весть принесли болгары, а затем, уже много дней спустя, корсунцы: «оттоле же прииде весть цареви отъ техъ, яко оуже идоуть. По неколицех же днехъ приде весть о сихъ и от Болгаръ, ино по мнозехъ днехъ възвсти и Корсунский стратигъ оуже темъ явившемся и тоу ся имъ приближившемъ»⁵¹. Итак, греки о русском нашествии узнали сперва от болгар, а затем от херсонского стратига. Но как могло случиться, что болгарская весть опередила корсунскую? Затем, как могло случиться, что русские, направляясь на Царьград, приблизились к Херсону, словно он лежал на пути к столице Византии? Наконец, третья странность, касающаяся предупреждения херсонского стратига, заключается в том, что русские источники, пользующиеся Житием Василия Нового, вообще не упоминают об этом предупреждении. В самом деле, ни в «Еллинском летописце», т. е. в древнейшем русском хронографе, ни в Повести временных лет не говорится о предупреждении корсунцев в 941 г. Это предупреждение в обоих источниках относится к неоконченному походу 943 г., причем примечательна форма этого предупреждения. Если в Житии Василия Нового сказано, что херсонский стратиг отправил к царю весть о русском нашествии после того, как русские «уже приблизились к этим (т. е.

⁵⁰ А. Н. Веселовский. Ук. соч., стр. 88.

⁵¹ С. Г. Вилинский. Ук. соч., ч. II, стр. 458.

херсонским. — *Н. II*) областям», то в указанных выше русских источниках сообщается, что в 943 г. корсунцы отправили царю весть о нашествии после того, как они услышали о нем. Следовательно, если из Жития Василия Нового вытекает, что греки видели русских, когда они приблизились к Херсону, то из русских источников следует, что они не видели русских, а только слышали о их нашествии.

Предупреждение послал именно корсунский стратиг. Однако в его сообщении нет ни малейшего намека на то, что русские угрожают Херсону или каким-либо другим крымским областям. Русские только проплыли мимо Херсона и отправились дальше на Константинополь. Но ведь Херсон не лежал на пути в Константинополь! Кроме того, русское войско на Царьград шло не только морем, но и сушей. Критически мыслящим русским летописцам сообщение Жития о том, что Игорь, идя на Царьград, приблизился к Херсону, казалось настолько странным, что они предпочли опустить его. Но, если русские летописцы не говорят о предупреждении корсунцев в 941 г., то мы не можем следовать за ними. Предупреждение корсунцев вполне объяснимо при предположении, что русские двигались от Керчи вдоль Крымского побережья, мимо Херсона, только во главе этого флота стоял не Игорь, а Хальга.

Войско Игоря из Киева «придоша и приплуша», т. е. шло сушей и по воде. Хальга же плыл вдоль берегов Крыма. Где-нибудь в устье Дуная произошла встреча Игоря с Хальгой, и они совместно направились на Константинополь. Хальга потратил некоторое время на соединение с войском Игоря, поэтому херсонские гонцы опередили русское войско и дали знать о нашествии задолго до прибытия русских к Константинополю. Но Житие Василия Нового сообщает, что весть о нашествии русских распространилась по городу еще до того, как ее принесли херсонцы; русский переводчик Жития говорит, что ее принесли болгары. Поэтому следует думать, что болгары сообщили о той части русского войска, которая шла из Киева под предводительством Игоря, а о флоте, который шел от Тамани мимо Херсона на соединение с основными силами, подали весть корсунцы. Болгарская весть, распространившаяся среди населения Константинополя, опередила корсунскую, предназначавшуюся для императора. Таким образом, сообщение Жития Василия Нового об известии корсунского стратига о русском нашествии подхватывает и дает ту путеводную нить, которая позволяет проследить судьбу отряда Хальги как раз там, где эту нить обрывает Кембриджский документ.

Из русских источников мы знаем, что Игорь вернулся в Киев сразу после первого морского сражения; Кембриджский документ указывает, что Хальга с греками воевал четыре месяца. Таким образом, трудно подвергнуть сомнению вывод, что Игорь и Хальга это — два известные нам вождя похода 941 г., только Игорь пробыл в этом походе около месяца, а Хальга — до конца. В первом морском сражении Хальга и Игорь разлучились. Если это не был открытый разрыв, то каждый из них, возможно, полагал, что другой погиб от греческого огня в морском сражении у Иерона.

После четырехмесячной войны с греками разгромленный флот Хальги направился не в Киев, а в Персию. Автор Кембриджского документа объясняет это обстоятельство тем, что Хальга «постыдился вернуться в свою страну».

Поскольку Хальге не повезло как в походе на хазар, когда у него всю добычу отобрал Песах, так и в походе на греков, он, видимо, хотел вернуться на родину не раньше, чем обогатится и прославится в новых походах. После неудачной войны с хазарами и греками Хальга привлек Каспий с его богатыми мусульманскими городами. Хазары с радостью

пропустили его, и этот неудачник, наконец, обрел гибель в своем третьем походе.

Однако нежелание Хальги вернуться в Русь после похода 941 г. наводит и на другие размышления. Хальга был, несомненно, в полном подчинении у Игоря, об этом свидетельствует тот факт, что он «против воли» пошел на Константинополь. Хальга, вероятно, не одобрял антивизантийскую политику Игоря, но противиться ей не мог. Не было ли разделение русского войска в сражении у Иерона результатом какого-то конфликта между Игорем и Хальгой? И не поэтому ли Хальга «постыдился» вернуться в Киев после четырехмесячной войны с греками? Инициатор и вдохновитель похода 941 г., Игорь, не «постыдился» вернуться, вернее, даже бежать в Киев едва ли с десятью лабядями, а Хальга, второстепенный вождь этого похода, предпочел возвращению гибель в Персии. Если наметившийся уже в самом начале похода предполагаемый нами конфликт Хальги с Игорем после сражения у Иерона привел к открытому разрыву, Игорю ничего не оставалось, как вернуться на родину, а Хальге — искать новые объекты для военных авантур.

Возможно, впрочем, что Хальга был вождем какой-то бродячей варяжской дружины, которую Игорь незадолго перед своим первым походом на греков направил против хазар, а потом велел идти против греков. Об этом может свидетельствовать его норманское имя. Наука располагает некоторыми данными об участии норманнов в первом походе Игоря⁵². После разрыва с Игорем вождю норманской дружины Хальге и его воинам-скитальцам, которые, вероятно, уже давно потеряли свою скандинавскую родину, а теперь, вследствие своего разрыва с Игорем, и всякую связь с Русью, действительно ничего не оставалось, как пуститься на новые авантюры и искать счастья в других краях.

Предпринимая свои два похода против греков, Игорь добивался договора, который регламентировал бы нормальные экономические и политические отношения Руси с Византией. Но если Хальга был норманским вождем, для которого интересы Русского государства значили меньше, чем захваченная у хазар добыча, то чего мог он ждать от войны с греками, шедшей в разрез с его личными планами?

Если Игорь из-за трусости или по другим причинам действительно сознательно оставил большую часть русского войска без своего руководства, а может быть даже бежал от нее, то вернувшись в Киев, он умышленно мог исказить результаты первого сражения русских с греками у Иерона. Придворные летописцы должны были описать поход так, что после сражения у Иерона Игорь и его окружение были единственными участниками похода, спасшимися от греческого огня. Эта великокняжеская концепция похода 941 г. как нельзя лучше служила бы той идее отмщения и реванша, которая столь необходима была Игорю после этой неудачи. Она могла послужить в дальнейшем основой для изменения и переделки византийских повествований об этом походе. Однако все эти предположения, какой бы степенью достоверности они ни обладали, ввиду полного отсутствия источников все же остаются только гипотезами. Единственным фактом, в реальности которого мы в настоящее время можем быть уверены, это то, что Игорь в самом деле возвратился в Киев сразу же после первого морского сражения у Иерона и что все летописцы, используя греческие повествования об этом походе, подвергали их переработке.

Возникает вопрос, вернулся ли кто-нибудь из отряда Хальги на Русь. В Архангелогородской летописи есть одно любопытное известие, которое

⁵² С. Г е д е о н о в. Варяги и Русь, ч. II. СПб., 1876, стр. 525.

еще не подвергалось анализу исследователей. Эта летопись, согласно исследованиям А. А. Шахматова⁵³ и К. Н. Сербиной, «сохранила более древнюю, полную и более исправленную редакцию Начального свода. Отсюда в тексте Начального свода, заключающемся в Устюжском своде, читается ряд известий и подробностей, отсутствующих во всех сохранившихся и известных нам отражениях Начального свода»⁵⁴. А. А. Шахматов⁵⁵, а вслед за ним К. Н. Сербина⁵⁶ отметили все эти подробности, но они упустили одну особенность⁵⁷, которую нельзя понять, не приняв гипотезы о разделении русского войска в походе 941 г. после первого морского сражения. Там сообщается, что после поражения, нанесенного русскому флоту Феофаном, «возвратившаяся Русь во свояси без успеха, по том же, лете передусть, и на третье лето приидоша в Киев»⁵⁸. Уже перевод А. Шлецера этого любопытного места заставлял, казалось бы, задуматься. «Таким образом, — переводит Шлецер, — Руссы возвратились домой, не успев ни в чем. Спустя год, пришли они на третий в Киев»⁵⁹.

Архангелогородский летописец, надо думать, имеет в виду два возвращения русских на родину после этого неудачного похода: сперва русские «без успеха возвратишася во свояси» сразу после поражения, затем после этих уже возвратившихся на родину воинов — «по том же» — через год, на третье лето, если считать и год отправления в поход, русские снова возвращаются из этого похода в Киев. Следовательно, этими русскими могли быть лишь воины той части Игорева войска, которая отошла после сражения 11 июня 941 г. в мелководье Малой Азии и воевала там до сентября. Поскольку русские так долго не возвращались в Киев, есть все основания утверждать, что это была часть отряда Хальги, отправившегося после похода на греков в Персию⁶⁰. Таким образом, небольшой части отряда Хальги, вероятно, все же удалось вернуться на родину после поражения в Персии. Мы видим, что различные источники по-разному представляют не только начало похода 941 г., но и его конец. Согласно русским источникам, Игорь направился в свой первый поход из Киева, Кембриджский же документ указывает, что участник этого похода Хельга шел на Константинополь из Крыма. Житие Василия Нового сообщает, что русские, направляясь на Царьград, проплыли мимо Херсона.

По русским источникам Игорь и все оставшиеся в живых участники похода вернулись в Киев сразу же после первого морского сражения, а Архангелогородская летопись сообщает, кроме того, о возвращении русских в Киев еще через год; по сообщению греческих источников, русские отправились на родину после второго морского сражения. И, наконец, Кембриджский документ указывает, что русские после четырехмесячной войны с греками отправились не на родину, а в Персию.

В этих разнородных сообщениях нет ничего противоречивого, все они

⁵³ А. А. Шахматов. О начальном Киевском летописном своде. М., 1897, стр. 56.

⁵⁴ К. Н. Сербина. Устюжский летописный свод. — ИЗ, № 20, стр. 261; Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 5.

⁵⁵ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 53.

⁵⁶ К. Н. Сербина. Ук. соч., стр. 261—262.

⁵⁷ Правда, А. А. Шахматов указал, что он «отмечает лишь наиболее важные места» (А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 53). Подвергнув разбору Архангелогородскую летопись и доказав, что в ее составе сохранилась какая-то древняя и более подробная редакция Начального свода, А. А. Шахматов, к сожалению, в работе по восстановлению текста Повести временных лет не использовал тексты Начального свода, заключающиеся в Архангелогородской летописи, для восстановления Начального свода.

⁵⁸ Устюжский летописный свод, стр. 22.

⁵⁹ А. Шлецер. Нестор, т. II, стр. 601.

⁶⁰ См. П. К. Кокцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке.

могут быть увязаны друг с другом, позволяя воссоздать полную картину первого похода Игоря на греков.

Итак, незадолго до своего первого похода Игорь не без «подстрекательства» греков направил войско под командованием Хальги в Крым против хазар. Утвердиться в Крыму Хальге не удалось, а Игорь дружбу с греками вскоре сменил на вражду. По приказу Игоря Хальга отдал добычу хазарам и согласился на их требования воевать против греков. Соединенный флот Игоря и Хальги чалал на Константинополь и опустошил его окрестности, прежде чем Роман Лакапин собрал силы против русских. В первом морском сражении близ Иерона, в котором русские впервые встретились с греческим огнем, флотилия Игоря была рассеяна; беспорядочное отступление в основном шло в двух направлениях: одна часть русского войска направилась к европейскому берегу Босфора; разгромив здесь Стенон, она вернулась в Киев. Со слов этих воинов или же по непосредственному указанию Игоря на Руси и родились оригинальные представления об этом несчастном походе Игоря, согласно которым война 941 г. окончилась на первом морском сражении. Другая часть русского войска под предводительством Хальги спаслась в мелководье Малой Азии и находилась там до сентября. В сентябре 941 г. эта часть войска Игоря направилась к берегам Фракии, но была встречена Феофаном и разгромлена. После этого второго поражения русские почему-то не вернулись сразу на родину и решили искать счастья в Персии. Но и там неудачи постигли отряд Хальги. В Персии погиб вождь и значительная часть самого отряда. Лишь небольшой части воинов удалось добраться до Киева.
